

18+

Алекс Перегрин

СТЕРИЛИЗАЦИЯ 7.0

В будущем счастье обязательно наступит.
Но спастись смогут только те, кто от него
отказался.

Алекс Перегрин

**Стерилизация 7.0. «В будущем
счастье обязательно наступит.
Но спастись смогут только
те, кто от него отказался».**

«Издательские решения»

Перегрин А.

Стерилизация 7.0. «В будущем счастье обязательно наступит.
Но спастись смогут только те, кто от него отказался». /
А. Перегрин — «Издательские решения»,

Эта книга была написана в мире, где алгоритмы уже решают, что нам чувствовать. Нейросети генерируют искусство, а люди генерируют контент. Где «индекс счастья» измеряется лайками, а одиночество лечится подпиской. Где мы платим, чтобы чувствовать больше, — и всё меньше чувствуем по-настоящему. АУРУМ — это не будущее. Это настоящее, увеличенное до масштаба, при котором становится очевидным то, что мы предпочитаем не замечать. Книга задаёт один вопрос: что остаётся, когда забирают всё?

Содержание

Посвящение	6
Карта нового АУРУМА	7
Действующие лица	8
Хронология обратного отсчета	9
Проект «СЕМЯ»: Рассекреченное досье	10
Препамбула	11
Виктор-1: Солдат	12
Виктор-2: Пустой	14
Виктор-3: Машина	16
Виктор-4: Фиксер	18
Виктор-5: Любoвник	20
Виктор-6: Учитель	22
Виктор-7: Лoэн	24
Послесловие к досье	25
ГЛАВА 1.Город, который не спит	26
ГЛАВА 2. Налог на удовольствие	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Стерилизация 7.0

«В будущем счастье обязательно наступит. Но спастись смогут только те, кто от него отказался».

Алекс Перегрин

© Алекс Перегрин, 2026

ISBN 978-5-0070-9426-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Примечание к названию.

Стерилизация 7.0 — кодовое обозначение финальной фазы протокола «Помпеи» в системе «Демидург». Цифра 7 означает седьмой (и последний) цикл активации. Цифра 0 — точку невозврата. В документации корпорации «Элизиум» этот протокол описывался как «термальная санация поверхности с целью сохранения биологического потенциала вида». На человеческом языке это означало: сжечь всё и начать заново.

Семь циклов. Семь попыток. Семь версий одного человека.

Версия 7.0 — финальная.

Все права защищены. Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена, сохранена в поисковой системе или передана в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, путём фотокопирования, записи или иначе — без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Все персонажи и события являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мёртвыми, является случайным.

Содержит сцены насилия и материалы, предназначенные для читателей старше 18 лет.

Посвящение

Тем, кто не обернулся.
И тем, кто обернулся — но выжил.

Эпиграфы.

«И обрушил Демиург на золотой город дождь из расплавленного света, и не осталось камня на камне, и не осталось крика в крике».

— Хроники Нулевого, фрагмент 19

«Любая достаточно развитая технология неотличима от магии».

— Артур Кларк

«В будущем каждый будет знаменит на весь мир в течение пятнадцати минут. А потом его сотрут».

— Неизвестный программист, 2049 год

Карта нового АУРУМА

Верхний город — АУРУМ:

Башня «Золотая Вдова» (333 этажа) — резиденция элиты

Пантеон Наслаждения — центральная площадь

Башня «Минотавр» — финансовый центр

Башня «Мидас» — торговый центр

Башня «Цирцея» — медиахаб и жилой комплекс

Штаб-квартира корпорации «Элизиум» — управление городом

Нижний город — ФЕРУМ:

Технические колодцы и опоры архипелага

Жилые контейнеры «единиц» — людей без цифровых паспортов

Крипта Свидетеля — из серверных шкафов

Старое водохранилище

Платформа «Стикс-12» — промышленная зона

Орбита:

Система «Гелиос» — орбитальные зеркала

ИИ «Демидург» — центральный процессор

Цифровой «Архив» — облачное хранилище сознаний

Действующие лица

Семья ЛОЭН:

Виктор Лоэн, 39 лет — главный герой. Элитный посредник между людьми и системой. Клон. Седьмая версия.

Ирина Лоэн, 41 год — бывшая жена. Телеведущая. Единственная женщина, которую Лоэн когда-либо любил.

Рахиль Лоэн, 22 года — старшая дочь. Стример с аудиторией в 81 миллион человек. Циничная, храбрая, ранимая.

Ева Лоэн, 19 лет — младшая дочь. Хакерша-активистка. Раскрыла правду о проекте «Семья».

Посланники:

Каспар — блондин с ледяными глазами. Командир зеркальных легионов. Программа-исполнитель протокола «Стерилизация».

Мельхиор — брюнет с голосом, от которого хочется зажмуриться. Хранитель цифрового «Архива». Манипулятор.

Другие:

Свидетель — слепой старик с глазами, зашитыми золотой нитью. Пророк Ферума. Нулевая версия — прототип. Знает всё, но помогает только словом.

Шесть двойников Лоэна — клоны того же прототипа. Каждый несёт в себе одну часть памяти оригинала.

«Демиург» — искусственный интеллект, управляющий орбитальной системой «Гелиос». Создан Нулевым. Похищен «Элизиумом». Перепрограммирован для уничтожения.

Хронология обратного отсчета

День 0 — Лоэн получает послание от Посланников

День 1 — Встреча с Каспаром и Мельхиором

День 2 — Спуск в Ферум. Встреча с двойниками

День 3 — Гибель башни «Минотавр». Первое чудо

День 4 — Протокол «Орфей». Потеря Ирины

День 5 — Битва за Ферум. Вход в цифровой «Архив»

День 6 — Финальный выбор. Обратный отсчёт обнулён

Проект «СЕМЯ»: Рассекреченное досье

Семь версий одной души.

Документ корпорации «Элизиум», уровень допуска: Абсолютный

Статус: рассекречено после перезагрузки «Демииурга»

Примечание архивариуса: Данное досье было обнаружено Евой Лоэн на минус двести пятидесятом уровне архипелага, в корневой директории «Архива». Файл был зашифрован семью слоями протокола — по одному на каждого клона. Последний слой содержал пометку, сделанную Нулевым от руки:

«Если ты читаешь это — значит, один из них добрался. Значит, я не зря умер. Значит, в коде осталось что-то, чего они не смогли переписать. Называйте это любовью. Называйте это багом. Это одно и то же».

Преамбула

Двадцать три года назад корпорация «Элизиум» обнаружила аномалию.

Среди восьми миллионов жителей Аурума нашёлся один человек, чей мозг отвергал нейроимпланты. Не ломался, не перегорал, не давал аллергическую реакцию — именно отвергал. Как организм отвергает чужой орган. Как река отвергает плотину, находя обходной путь.

Его нейрохимия была уникальной. Его синапсы работали по архитектуре, которую не мог воспроизвести ни один из существующих алгоритмов. Его мозг был единственным на планете, который мог думать свободно в мире, где свободная мысль была искоренена.

Его назвали Нулевым.

Он создал систему «Демиург» — искусственный интеллект, задуманный как щит для человечества. Корпорация «Элизиум» перехватила проект, переписала целеполагание и убила создателя.

Но перед смертью Нулевой успел сделать две вещи.

Первая: заложить в код «Демиурга» протокол самоуничтожения — программу «Помпей», которая активируется, когда город перестанет быть человеческим.

Вторая: оставить семена. Семь клонов, выращенных из его генетического материала и помещённых в семь разных жизней. Семь экспериментов. Семь попыток ответить на один вопрос:

Что остаётся от человека, когда у него забирают всё?

Каждому клону дали одно. Только одно. И посмотрели, что вырастет.

Виктор-1: Солдат

Кодовое имя: «Арес»

Куратор проекта доктор Вернер Кляйн, руководитель военной серии, выбрал это имя не случайно. В сопроводительной записке он написал: «Арес — не просто бог войны. Он единственный олимпиец, которого ненавидели все остальные боги. Он был необходим — и презируем. Как солдат. Как любой солдат».

Параметры эксперимента: Войну.

Активация: в возрасте семнадцати биологических лет, на платформе «Стикс-3». Тело выращено в инкубаторе. В мозг загружен базовый набор: четыре языка, рукопашный бой, двадцать три вида оружия, тактическое планирование. Звание — лейтенант частной военной компании «Серафим».

Возраст на момент событий: 59 лет.

Внешность: седые волосы, остриженные под машинку. Шрам от правой скулы до подбородка — след осколка, полученного при штурме Мумбайской цитадели в 2053 году. Глаза Нулевого, но выцветшие, словно из них вымыли цвет. Тело — сухое, жилистое, лишённое единого грамма лишнего. Не тело спортсмена. Тело инструмента.

Татуировка протоязыка К а ф расположена не на груди, как у остальных, а на внутренней стороне левого предплечья — там, где у старых солдат бывает номер части. Он не знал, что означают эти символы. Он думал, что это позывной.

Первое воспоминание: запах оружейной смазки. Не материнское молоко. Не колыбельная. Не свет, падающий через окно детской. Оружейная смазка, пластик рукояти пистолета и голос инструктора: «Твоя задача — выполнять. Не думать. Не чувствовать. Не спрашивать. Выполнять».

Он выполнял. Тридцать лет. Четыре континента. Семнадцать конфликтов. Операции, которых не было в новостях: подавление восстания на плавучих фермах Бенгальского залива, ликвидация подпольных лабораторий клонирования в бывшей Швейцарии, «зачистка» целых секторов Ферума, когда население нижних уровней становилось слишком многочисленным и слишком голодным.

Виктор-1 не убивал людей. Он деактивировал цели. Разница была не в действии — в языке. Язык делал возможным всё остальное. Если цель — не человек, а «единица угрозы», то её устранение — не убийство, а «нейтрализация». Если деревня — не деревня, а «очаг нестабильности», то её уничтожение — не резня, а «санация».

Он санировал много очагов. Потом начал считать. Потом перестал, когда число превысило способность его совести вместить.

Точка перелома: Лагос, операция «Фильтр». Зачистка трущобного квартала. Третья комната сверху. Девочка, лет шести, сидела на полу среди разбитой электроники и держала поле-

вой цветок — жёлтый, маленький, невозможный в этом бетонном аду. Она не плакала. Не кричала. Просто протянула ему цветок.

Он мог пройти мимо. Протокол не требовал нейтрализации детей.

Он взял цветок. Его рука — рука, которая за тридцать лет сломала сотни костей, — дрогнула, принимая полграмма. Он засунул цветок между страницами тактического устава. Девочку вывел из зоны. Написал в рапорте: «В секторе 3 — ноль единиц угрозы».

Это была его первая ложь за тридцать лет. И единственное, чем он гордился.

Цветок высох через неделю. Рассыпался через месяц. Но его запах — сладкий, травяной, невозможный — остался. Навсегда. Как пуля, которую не извлекли.

Чем отличался от Лоэна: Виктор-1 — это Лоэн без любви. Буквально. Ему не дали семью, не дали женщину, не дали детей. Но та же ДНК Нулевого, которая в Седьмом проявилась как способность к пустоте, защищающей от боли, — в Первом проявилась как способность к дисциплине, защищающей от сомнений. Это одна и та же черта, развёрнутая в разные стороны.

Лоэн заморозил чувства, чтобы не страдать. Первый заморозил чувства, чтобы не останавливаться.

Что отдал Лоэну: тридцать лет тактического мышления. Способность мгновенно оценивать пространство. Но вместе с этим — тридцать лет кошмаров. Лица нейтрализованных целей, которые во сне превращаются обратно в людей. И запах полевого цветка, от которого хочется плакать, но слёзные железы атрофировались от неиспользования.

Последние слова перед исчезновением: «Спасибо. Я устал стрелять».

Виктор-2: Пустой

Кодовое имя: «Нуль»

Название было не метафорой, а классификацией. В документации проекта «Семя» контрольные образцы обозначались числовым кодом. Виктор-2 был единственным, чей код совпадал с его сутью: ноль входных данных, ноль стимуляции, ноль опыта. Идеальный ноль, по которому калибровали отклонения остальных.

Параметры эксперимента: Ничего.

Активация: стерильный модуль на платформе «Стикс-9». Комната четыре на четыре метра, белые стены, белый потолок, белый пол. Температура — 22 градуса, постоянная. Освещение — 4500 кельвинов, постоянное. Звук — белый шум на уровне тридцати децибел. Еда — питательная паста без вкуса, без запаха, без цвета, три раза в день через люк в стене. Ни книг. Ни музыки. Ни окон. Ни людей.

Двадцать два года.

Возраст на момент событий: 22 года (биологический).

Внешность: лицо Нулевого в двадцать лет. Красивое, симметричное, пустое. Глаза — правильного цвета, правильной формы, но без глубины. Как витрина, за которой ничего не выставлено.

Татуировку нанесли при активации. Он не знал, что она означает. Не спрашивал.

Он не знал, что существует небо. Не знал, что бывает ветер. Не знал, что у людей есть имена, которые дают им другие люди, а не система. Он не знал, что такое прикосновение. За двадцать два года его кожи не коснулась ни одна человеческая рука.

Он не сошёл с ума. Это удивило учёных «Элизиума» больше всего. По всем расчётам, двадцать два года сенсорной депривации должны были разрушить его психику к третьему году. Но ДНК Нулевого оказалась сильнее статистики. Мозг Виктора-2 не сломался — он законсервировался. Как семя в пустыне, которое десятилетиями ждёт дождя, не умирая и не прорастая.

Один из лаборантов оставил в логе пометку, которая стала знаменитой в узких кругах нейробиологов «Элизиума»: «Объект „Нуль“ демонстрирует аномальную стабильность при полном отсутствии входящих сигналов. Любой другой мозг распался бы на фрагменты. Этот — ждёт. Я не могу определить, чего он ждёт. Но он определённо ждёт. И это меня пугает больше, чем если бы он кричал».

Освобождение: когда дверь модуля открылась впервые за двадцать два года, он увидел коридор. Потом — других людей. Потом — Ферум. Он плакал три часа. Не от горя. От перегрузки. Научился ходить по неровной поверхности за два дня. Говорить с людьми — за четыре. Смеяться — за шесть. Он был как новорождённый в теле мужчины: жадный, восторженный, испуганный, открытый.

Гибель: бросился в арку первым. Не из героизма. Из голода. Был так голоден по жизни, что готов был отдать что угодно ради ещё одного ощущения. Но система отвергла его. Пустая память не имела ценности. Двадцать два года белых стен — это не жертва. Это — ничего. Он превратился в соляной столп. Белый, матовый, с протянутыми к свету руками.

Чем отличался от Лоэна: Лоэн получил всё — богатство, семью, удовольствия — и выбрал пустоту. Второй не получил ничего — и отчаянно хотел полноты. Это зеркальное отражение. Лоэн — человек, который добровольно стал пустым. Второй — человек, которого сделали пустым насильно.

Что оставил: ничего. Буквально ничего. Его столп — белый, с протянутыми к свету руками — стоит в разрушенной Крипте как памятник всем, кому не дали шанса.

Виктор-3: Машина

Кодовое имя: «Голем»

Глиняный человек, оживлённый написанным словом. Когда Виктору-3 заменили половину лица прозрачной пластиной, один из хирургов пошутил: «Теперь мы видим его слово». Никто не засмеялся.

Параметры эксперимента: Технологию.

Активация: корпоративный отдел R&D — «Исследований и разработок» — в качестве тестовой платформы для кибернетических протезов.

Возраст на момент событий: 41 год.

Внешность: левая половина лица — прозрачная пластина из биосовместимого полимера. Сквозь неё видны шестерёнки, сервоприводы, оптические линзы. Правая половина — лицо Нулевого, но с мертвенно-серой кожей и одним живым глазом — тёмным, усталым, бесконечно грустным. Тело — человеческое на сорок три процента. Остальное — титан, синтетика, искусственные органы.

Татуировка сохранилась на единственном участке оригинальной кожи — на правой стороне груди, над сердцем, которое было последним живым органом. Не потому, что инженеры не могли его заменить. Потому что Виктор-3 не позволил. «Если вы замените сердце, — сказал он, — то зачем мне вообще существовать?»

Хронология замен: первая — в девятнадцать лет. Левая рука, раздробленная в подстроенном «несчастном случае». Ему предложили выбор: культя или протез нового поколения. Он выбрал протез. Рука была лучше оригинала.

Он не знал, что это первый шаг двадцатилетнего плана.

Каждые восемь-четырнадцать месяцев — новый «несчастный случай». Правая нога — обрушение балки. Левый глаз — «производственная травма». Позвоночник — падение с высоты, которое, как он позже понял, было подстроено.

Каждый раз — выбор: инвалидность или протез. Каждый раз — протез.

К тридцати пяти — больше машина, чем человек. Синтетические мышцы гнули стальные балки. Оптический глаз видел в инфракрасном спектре. Титановый каркас выдерживал удар автомобиля.

Совершенен. И абсолютно мёртв внутри.

Точка перелома: завтрак. Обычный кофе из обычного автомата. И внезапное осознание: он не чувствует вкуса. Живая ткань, зажата между титановыми пластинами, умирала не от болезни, а от одиночества.

Он поставил кружку. И заплакал. Одним глазом. Правым. Живым. Из левого — оптического — потёк не физраствор, а смазочная жидкость. Два вида слёз: одна солёная, другая маслянистая. Он плакал двадцать минут. Инженеры предложили заменить слёзные железы. Он отказался. Это были последние настоящие слёзы, на которые он был способен. Он не собирался с ними расставаться.

Чем отличался от Лоэна: Лоэн потерял способность чувствовать добровольно. Третий потерял буквально — кусок за куском, орган за органом. Лоэн мог бы вернуть свои чувства, если бы захотел. Третий — не мог. Но именно поэтому оставшиеся сорок три процента человечности горели в нём ярче, чем сто процентов в ком-либо другом. Он знал цену каждому удару сердца.

Что отдал Лоэну: полную схему кибернетической инфраструктуры «Элизиума». Каждый провод, каждый узел, каждую уязвимость. Но вместе со схемами — фантомные боли. Лоэн после слияния иногда чувствует, как чешется рука, которой у него нет. Как болит позвоночник, который не из титана. Как слезится глаз, который не из стекла.

Последние слова: «Не становись машиной. Даже если предложат бессмертие. Особенно если предложат бессмертие».

Виктор-4: Фиксер

Кодовое имя: «Сизиф»

Куратор социальной серии, доктор Лена Чжан, написала в записке к досье: «Сизиф — единственный герой, чьё наказание неотличимо от его предназначения. Он катит камень в гору. Камень скатывается. Он катит снова. Боги назвали это пыткой. Камю назвал это счастьем. Виктор-4 чинит мир, который ломается быстрее, чем он успевает починить. Мы назвали это экспериментом. Он назвал это жизнью».

Параметры эксперимента: Страдание.

Активация: помещён в Ферум в возрасте шести биологических лет. Без родителей, без опекунов, без имплантов. Голый ребёнок в ржавом аду. Учёные «Элизиума» хотели проверить: как ДНК Нулевого справится с абсолютным отсутствием комфорта.

Возраст на момент утилизации: 28 лет. Ликвидирован за одиннадцать лет до начала событий. Не дожил до встречи с братьями. Его история известна только из рассекреченных файлов.

Он справился.

К десяти годам научился воровать еду, не попадаясь. К двенадцати — драться так, что взрослые обходили стороной. К пятнадцати — чинить оборудование, которое жители Ферума считали безнадежным. К восемнадцати — его знали как «Фиксера»: парня, который может починить всё, от генератора до сломанной руки.

Он не озлобился. Это удивило учёных больше всего. Дети Ферума обычно становились хищниками или жертвами. Виктор-4 стал чем-то третьим: человеком, который чинит то, что сломано. Не ради выгоды. Потому что сломанные вещи причиняли ему почти физическую боль — он смотрел на разбитый генератор и чувствовал, как внутри что-то сжимается, как будто генератор был частью его самого.

Это была эмпатия. Не к людям — к вещам. К системам. К механизмам. Он чувствовал боль сломанного мира так, как другие чувствуют боль сломанной кости.

Утилизация: в двадцать восемь лет нашёл трещину в несущей опоре архипелага. Рассчитал, что через шесть лет город обрушится. Написал доклад. Передал курьеру. Курьер не дошёл. Через три дня Виктор-4 был «деактивирован в связи с несанкционированным доступом к конфиденциальной инженерной информации». Тело сбросили в технический колодец. Трещину заварили.

Чем отличался от Лоэна: Четвёртый — версия Лоэна, которой дали худшие условия и которая стала лучшим человеком. Живое доказательство того, что ДНК Нулевого содержит устойчивость к злу. Лоэн, получивший всё, стал пустым. Четвёртый, не получивший ничего, стал полным.

Что оставил: ничего — физически. Но его история, найденная Евой в «Архиве», стала аргументом в пользу того, что город стоит того, чтобы жить. Если в Феруме мог вырасти

человек, чинивший сломанный мир без надежды на награду, — значит, человечество ещё не мертво.

Виктор-5: Любовник

Кодовое имя: «Орфей»

Муж, спускающийся за женой в мир мёртвых. Муж, которому сказали: «Не оглядывайся». Виктор-5 — это Орфей, который не оглянулся. Который потерял жену не потому, что посмотрел назад, а потому, что мир отнял её физически. И который всё равно спустился. И нашёл. И любил заново.

Параметры эксперимента: Любовь.

Активация: жилой модуль на окраине Аурума. Работа — техник средней квалификации. Имплант — базовой версии. И жена.

Возраст на момент событий: 52 года.

Внешность: лицо Нулевого с глубокими морщинами вокруг глаз — морщинами человека, который слишком часто щурился, всматриваясь в чужие лица, ища среди них одно. Ранняя седина. Руки — большие, тёплые, с длинными пальцами пианиста. Руки, созданные для того, чтобы касаться.

Он был единственным из клонов, кто был по-настоящему красив. Красотой, которая рождается от привычки любить — от мягкости во взгляде, от нежности в голосе, от того, как он наклонял голову, слушая.

Сара. Учёные «Элизиума» не создали её. Они нашли. Прочесали базы данных, выявили женщину, чей психологический профиль совпадал с «идеальной партнёршей Нулевого», и подстроили встречу. Случайная встреча в лифте. Случайный взгляд. Случайная улыбка.

Ничего случайного не было. Но любовь была настоящей. Это мучило учёных больше всего.

Пятнадцать лет абсолютного, невыносимого, непрактичного счастья. Он наливал ей чай каждое утро из белого эмалированного чайника с синими горошинами. Она гладила его по волосам каждый вечер. Они не ссорились — не потому, что были идеальными, а потому, что каждый считал другого важнее себя.

Потеря: «Элизиум» забрал Сару. Не убил — хуже. Стёр память. Полностью. Тотальная нейрокоррекция. Человек помнит, как дышать, ходить, есть, но не помнит ни одного лица, ни одного имени, ни одного чувства. Они хотели посмотреть, что будет с Пятым, когда заберут причину жить.

Поиски: три года. Тысяча девяносто пять дней. Он прочесал весь Аурум, потом весь Ферум. С фотографией — единственной, помятой, выцветшей. Люди качали головами.

Нашёл на платформе «Стикс-7». Она сортировала отходы. Не узнала. «Вы записаны на приём? Очередь — направо».

Он не сломался. Снял контейнер рядом. Каждое утро — чай. Каждый вечер — «Доброй ночи, Сара». Она не знала, кто он. Через год — начала улыбаться. Через два — спрашивала его имя (каждый день заново). Через три — сказала: «Останься. Мне одиноко».

Она полюбила его заново. Не вспомнила — полюбила. С нуля.

А потом умерла. Тихо, во сне, от отказа почек. Он проснулся рядом. Она была холодной. Он лежал, обнимая холодное тело, три часа. Потом встал. Поставил чайник. Налил чай в две кружки. Одну — перед пустым стулом.

Чем отличался от Лозна: Лозн потерял Ирину по собственному выбору. Она сказала: «Не люблю», — и он ушёл. Мог остаться. Мог бороться. Мог наливать чай и ждать. Но выбрал пустоту. У Пятого не было варианта. Его любовь отняли, стёрли, выбросили. И он всё равно нашёл её. И всё равно любил.

Лозн — человек, выбравший не чувствовать. Пятый — человек, который не мог перестать чувствовать, даже когда ему отрезали все причины.

Что отдал Лозну: самый тяжёлый дар. Память о любви, которая была настоящей. Лозн после слияния плачет каждый раз, когда наливает чай. Видит белый чайник с синими горошинами. Чувствует родинку на щеке, которой никогда не касался. Помнит имя женщины, которую никогда не знал.

Последние слова: молчание. Просто посмотрел на Лозна — и в его взгляде было столько нерастратченной нежности, что Лозн физически ощутил её вес.

Виктор-6: Учитель

Кодовое имя: «Прометей»

Имя предложено самим Виктором-6 — единственным из клонов, кто узнал о существовании проекта «Семья» до активации протокола «Помпеи». Он нашёл досье, прочитал свой нейтральный буквенно-цифровой код и вписал от руки: «Прометей».

Когда его спросили почему, он ответил: «Потому что Прометей украл огонь не для себя. Он украл его для людей, которые жили в темноте. Его наказали — приковали к скале, и каждый день орёл выклёвывал ему печень. Но печень отрастала. И он знал, что орёл прилетит снова. И всё равно не жалел. Потому что где-то внизу люди грелись у огня. Я — не Прометей. Я — его тень. Я не украл огонь. Я принёс мел. Но дети, научившиеся читать при свете грибка, — они мой огонь. И никакой орёл не заставит меня пожалеть».

Параметры эксперимента: Знания. И единственному из всех — свобода выбора.

Активация: средний слой Аурума. Три высших образования (нейробиология, лингвистика, педагогика). Стабильная работа. Полная свобода действий. Учёные хотели проверить: кем станет ДНК Нулевого в условиях интеллектуальной стимуляции?

Возраст на момент событий: 47 лет.

Внешность: самый незаметный из всех клонов. Лицо Нулевого без шрамов, без протезов, без выразительности. Обычное лицо обычного мужчины. Очки — настоящие, не модификация. Близорукость, которую отказался корректировать. Руки в мозолях от мела. Одежда — великоватая, мятая, с пятнами от маркера.

Единственный из клонов, кто улыбался по-настоящему. Не саркастически, как Лоэн. Не горько, как Пятый. По-настоящему — широко, мягко, искренне.

Он стал учителем. Не потому, что не мог стать чем-то большим. Потому что понял: самое большое, что может сделать человек, — это научить другого человека думать.

Спуск: три года преподавал в Ауруме. Его уроки были популярны. Но ученики с каждым годом становились тупее — не от недостатка таланта, а от избытка комфорта. Импланты делали за них половину работы. Зачем запоминать формулу, если её можно загрузить? Зачем понимать стихотворение, если имплант синтезирует эмоцию?

На четвёртый год он ушёл. Вниз. В Ферум. Добровольно. Нашёл пустой контейнер. Повесил на стену лист ржавого металла, покрытый белой краской. Раздобыл мел. И начал учить.

Двадцать лет в темноте. Сначала пришли двое — мальчик и девочка, шести и восьми лет. Не умели читать. Через неделю — семеро. Через год — школа. Он учил всему. Пересказывал Достоевского по памяти. Объяснял теорию относительности на примере ржавых шестерёнок. Учил детей петь — и их голоса в бетонных колодцах Ферума были единственной музыкой за двадцать лет.

Однажды девочка — та, что пришла первой, теперь шестнадцатилетняя, — спросила:

— Учитель, а бог — это тоже программа?

Он улыбнулся. Той самой настоящей улыбкой.

— Нет. Бог — это баг в программе. Тот самый баг, который делает её прекрасной.

Чем отличался от Лозна: Лозн — человек, который перестал верить в людей. Шестой — человек, который никогда не переставал. Если Лозн — ДНК Нулевого, обращённая внутрь, в пустоту, в защиту, — то Шестой — ДНК, обращённая наружу, в мир, в других, в будущее.

Что отдал Лозну: терпение. Способность объяснять, слушать, ждать. И одну фразу, ставшую компасом: «Всё лучшее в человеке — это ошибка, которую система пытается исправить». Лозн после слияния иногда ловит себя на том, что объясняет сложные вещи простыми словами — голосом Шестого, мягким и терпеливым.

Последние слова: «Научи их. Всех. Научи их, что красота — это ошибка. Что любовь — это ошибка. Что всё лучшее в человеке — это ошибка, которую система пытается исправить».

Виктор-7: Лоэн

Кодовое имя: «Семя-7»

Параметры эксперимента: Всё.

Богатство. Семью. Красоту. Здоровье. Интеллект. Город, построенный для наслаждения. Женщину, созданную для того, чтобы быть любимой. Двух дочерей, чтобы было ради кого жить.

А потом — отняли.

Не сразу. По капле. Сначала забрали ощущения — имплант, работающий с перебоями, медленно отключал его от мира. Потом забрали жену — она сказала «не люблю», и он ушёл, не обернувшись. Потом забрали смысл — дочери выросли, одна стала товаром в витрине, другая — призраком в подzemелье.

Ему дали всё. Отняли всё. И посмотрели, что останется.

Осталась пустота. Огромная, холодная, тщательно обжитая пустота человека, который превратил отсутствие чувств в крепость.

Но в самом дальнем подвале этой крепости, свернувшись клубком, как раненый зверь, лежало что-то маленькое, горячее и отчаянно живое.

Любовь.

Не к себе. Не к городу. Не к миру. К трём конкретным людям: женщине с серыми глазами и двум девочкам, которые давно перестали быть девочками, но в его памяти навсегда остались маленькими.

Он был финальной версией. Седьмой. Той, которая вобрала в себя все остальные и нашла ответ, который не смог найти ни один из братьев.

Потому что ответ был не в том, чтобы воевать, как Арес. Не в том, чтобы ждать, как Нуль. Не в том, чтобы заменить себя машиной, как Голем. Не в том, чтобы чинить мир, как Сизиф. Не в том, чтобы искать потерянную любовь, как Орфей. Не в том, чтобы учить, как Прометей.

Ответ был в том, чтобы стоять на балконе рядом с женщиной, которая оглянулась, и смотреть на закат.

Просто смотреть.

И наконец-то — чувствовать.

Послесловие к досье

Запись, сделанная Евой Лоэн на полях рассекреченного документа:

«Папа. Я прочитала всё. Все семь досье. Все семь жизней. И вот что я поняла.

Они не были ошибками. Ни один из них. Ни Арес, который устал стрелять. Ни Нуль, который ждал двадцать два года и не сошёл с ума. Ни Голем, который плакал маслом. Ни Сизиф, который чинил мир, зная, что мир его убьёт. Ни Орфей, который нашёл жену и полюбил её заново. Ни Прометей, который принёс мел вместо огня.

И ты, папа. Ты — не ошибка. Ты — сумма всех ошибок, которые сделали тебя человеком. Бог — это баг в программе.

А ты — баг в баге.

И я тебя люблю».

ГЛАВА 1. Город, который не спит

Ночью Аурум не спал.

Он дышал. Он стонал. Он переливался миллиардами огней, которые никогда не гасли, потому что темнота здесь считалась болезнью, а одиночество — преступлением.

Город располагался на искусственном архипелаге в нейтральных водах Тихого океана — там, где когда-то плавал мусор всего человечества. Теперь мусор жил в башнях из стекла и титана, носил костюмы от кутюр и называл себя свободными гражданами единственного по-настоящему свободного государства на Земле.

Свобода стоила дорого.

Вступительный взнос — 100 миллионов в любой валюте. Ежемесячный налог — один процент от удовольствия. Удовольствие измерялось нейроимплантами, вживляемыми в затылок каждого жителя. Чем больше удовольствия ты получал, тем больше платил. Чем больше платил, тем больше удовольствия тебе предлагали.

Идеальный цикл.

Идеальная тюрьма.

Виктор Лоэн стоял у панорамного окна на 333-м этаже башни «Золотая Вдова» и смотрел на город. Он был полностью обнажён, если не считать тонкой цепочки на шее с кулоном в форме странного, не существующего ни в одном языке знака — К.

Ему было тридцать девять лет. Его тело выглядело на двадцать восемь — не благодаря пластической хирургии, а потому, что организм, утративший чувствительность, стареет медленнее. Учёные «Элизиума» называли это «синдромом эмоционального консерванта». Лоэн называл это проще: пустотой.

За его спиной на кровати размером с небольшой бассейн спали четверо. Две девушки и двое мужчин. Их имена он забыл ещё до того, как они разделись. Их тела всё ещё подрагивали от остаточных нейроимпульсов — последняя версия программы «Общая плоть 6.9» обещала синхронизацию центров удовольствия, стирающую границы личности. Судя по телам на простынях, обещание было выполнено.

Лоэн не участвовал. Он давно перестал участвовать.

Он наблюдал. Это было единственное, что ему оставалось: смотреть, как другие люди пытаются заполнить ту же пустоту, которая в нём давно превратилась в фундамент.

В бокале осталось немного «Романе-Конти» 2024 года — последнего урожая, собранного до того, как Бургундию затопило. Вино стоило больше, чем годовой бюджет иного города. По вкусу оно напоминало прощание.

Лоэн допил.

В его левом глазу, прямо на сетчатке, вспыхнуло сообщение. Без отправителя. Без обратного адреса. Белые буквы горели так, будто кто-то выжег их изнутри черепа:

«Семя.
Мы уже здесь.
У тебя шесть дней.
Выводи своих.
Остальные испарятся».

Лоэн не вздрогнул. Не выронил бокал. Не стал оглядываться в поисках камер. Он тихо рассмеялся. Смех был низким, прокуренным, опасным — смех человека, который давно перестал бояться угроз, потому что самая страшная угроза жила у него внутри.

— Семя? — произнёс он вслух, обращаясь к собственному отражению в стекле. — Ребята, вы опоздали на двадцать лет.

Отражение не ответило. Но город за окном мигнул. Всего на секунду — все огни Аурума погасли и вспыхнули снова, словно гигантское сердце пропустило удар.

Никто не заметил.

Восемь миллионов жителей были слишком заняты. Они торговали, молились новым богам и старым порокам, подключались к чужим оргазмам через нейросеть. Они не видели, как в небе, высоко над рекламными голограммами, зажглась и погасла одинокая красная точка.

Орбитальное зеркало номер один системы «Гелиос» повернулось на 0,003 градуса.

Наведение на цель началось.

Лоэн поставил пустой бокал на подоконник и достал из ящика стола старую фотографию — единственный физический предмет, который он хранил в квартире, набитой цифровыми иллюзиями. На фотографии были женщина с серыми глазами и две маленькие девочки.

На его груди, слева, над сердцем, темнела татуировка. Старая, сделанная настоящей иглой, а не лазером. Символы на протоязыке Нулевого — мёртвом шифре, которого не существовало ни в одной лингвистической базе данных:

К а ф
Пепел и Свет.

Он не помнил, когда и где сделал эту татуировку. Это было единственное белое пятно в его безупречной биографии. Техники «Элизиума» предлагали свести её — лазер убрал бы её за тридцать секунд. Лоэн каждый раз отказывался. Он чувствовал, что эти символы старше его самого. Что они были на нём ещё до того, как он стал Виктором Лоэном.

Он коснулся лица женщины на фотографии кончиком пальца.

— Ирина, — прошептал он. — Кажется, нам снова пора поговорить.

За окном начинался рассвет. В Ауруме он был похож на пожар.

ГЛАВА 2. Налог на удовольствие

Утро в Ауруме начиналось в четыре часа дня.

Это было не правило, а биологический факт. Нейроимпланты, регулирующие циклы сна, были настроены таким образом, чтобы граждане просыпались к вечеру — времени максимального потребления. Утро считалось пережитком старого мира, вроде аппендикса или совести.

Лоэн проснулся раньше всех. Он всегда просыпался раньше. Его имплант работал с перебоями — техники «Элизиума» списывали это на «индивидуальную нейрорезистентность». Лоэн подозревал, что дело в другом. Он просто не хотел спать в одном ритме с городом.

Четверых гостей он отправил ещё ночью. Вызвал автоматическое такси, погрузил тела без сознания и ввёл случайные адреса. Им будет всё равно, когда они проснутся, — программа «Общая плоть» стирала кратковременную память о партнёрах. Так было удобнее. Так было принято.

На кухне его ждал свежий кофе. Рядом — планшет с двумя непрочитанными сообщениями.

Первое — от старшей дочери.

Рахиль: «Папа, вчера я довела до слёз одного из бывших иерархов „Чёрного Пантеона“. Подробности — в платном контенте. Это нормально?».

Лоэн перечитал сообщение дважды.

«Чёрный Пантеон» был самым дорогим клубом в Верхнем Ауруме. Иерарх — скорее всего, один из бывших религиозных чиновников, купивших гражданство после Третьего раскола. Плакал — возможно, от стыда, возможно, от благодарности.

Лоэн ответил одним словом: «Да».

За двадцать два года отцовства он понял главное: дети не спрашивают разрешения. Они спрашивают, заметили ли вы. Он заметил.

Второе сообщение значилось от отправителя «Каспар». Номер — нулевой. Таких номеров в Ауруме не существовало.

«Сегодня в 23:00. Клуб „Последний вздох“. Приходи один. Мы покажем тебе, что будет с городом».

Лоэн поднёс кофе к губам. Поверхность жидкости дрожала. Он не сразу понял, что дрожат его руки. Впервые за семь лет.

Он поставил чашку. Посмотрел в окно.

Там, далеко внизу, проспект Первого Импульса заполнялся людьми. Реклама «Общей Плоти 7.0» обещала «синхронный оргазм с населением целого континента». Пантеон Насла-

ждения открывал двери для вечерней «утопии». На плавучей арене готовили бой между двумя клонами знаменитого боксёра — оба были уверены, что они оригиналы.

Обычный вечер в раю для грешников.

— Наконец-то, — тихо сказал Лоэн, обращаясь к невидимому Каспару. — Хоть кто-то здесь способен меня удивить.

Он оделся. Черные брюки, черная рубашка, черные ботинки. На запястье — единственные в городе часы, которые показывали реальное время, а не «индекс удовольствия». Под рубашкой, в кобуре у ребер, — «коллекционный» потертый Тульский Токарев «странный, непонятный, ностальгия» уместенная в 7,62мм.

Лоэн вышел из квартиры.

Лифт нёс его вниз, и с каждым этажом мир за стеклянными стенами кабины становился всё ярче, громче и безумнее. На 250-м этаже парочка занималась любовью прямо в коридоре, подключённая к общему нейроконтур здания, — сотни жильцов чувствовали их оргазм через стены. На 180-м этаже группа подростков смотрела прямую трансляцию казни в Старом мире, делая ставки на способ умерщвления. На 90-м этаже кто-то плакал — тихо, отчаянно, задыхаясь. Система вежливо предложила плачущему увеличить дозу серотонина.

Лоэн вышел из лифта прям на улицу, на Проспект Первого Импульса, город обрушился на него лавиной синтетического экстаза. Воздух здесь был спроектирован химиками «Элизиума»: смесь озона, феромонов и лёгких аэрозольных эйфоретиков, которые заставляли зрачки расширяться ещё до того, как ты заходил в бар или в клуб.

Свобода в Ауруме напоминала кредитную карту с безлимитным лимитом, где в качестве валюты выступала твоя собственная нервная система.

Лоэн шёл сквозь толпу и видел, как работает система.

Вот девушка в платье из «умного» шёлка кусает пирожное. На долю секунды на её затылке вспыхивает бледно-голубой диод импланта. Транзакция. Система считывает выброс дофамина, оценивает по десятибалльной шкале и списывает с её счёта триста кредитов. Девушка зажмуривается, её колени слегка подгибаются — имплант удваивает вкусовой оргазм. За это списывается ещё пятьсот.

Люди платили за то, чтобы чувствовать больше.

А когда платить становилось нечем, «Элизиум» не просто отключал стимуляцию. Он забирал способность чувствовать вообще. В народе это называли Обнулением.

Лоэн остановился у витрины бутика. Толпа впереди расступилась — не в панике, а с тем безразличным раздражением, с каким люди обходят грязную лужу.

На зеркальном тротуаре корчился человек.

На нём был костюм из марсианского шёлка, который стоил как небольшая яхта, но сейчас этот шёлк был изодран в клочья. Мужчина лет сорока царапал собственное лицо с такой яростью, что под ногтями уже чернела кровь. Его имплант на затылке не светился голубым. Он часто и тревожно мигал красным.

— Выключите свет! — хрипел мужчина, катаясь по зеркальным плитам. — Выключите этот проклятый свет, он режет мне глаза!

Лоэн остановился в трёх шагах. Он знал, что происходит. Серотониновая засуха — финальная стадия ломки. Когда счёт гражданина падал до нуля, имплант блокировал естественную выработку гормонов радости и обезболивания. Мир, лишённый синтетических фильтров, обрушивался на должника во всей своей чудовищной реальности.

Для обнулённого обычный дневной свет казался вспышкой сварочного аппарата. Прикосновение собственной одежды к коже ощущалось как трение наждачной бумаги. Звуки шагов толпы били по барабанным перепонкам, как удары молота.

— Пожалуйста, — мужчина схватил за лодыжку проходящую мимо женщину. Его пальцы дрожали крупной дрожью. — Умоляю. Переведи мне десять кредитов. Просто чтобы не чувствовать, как стучит моё собственное сердце. Оно ломает мне рёбра.

Женщина с отвращением выдернула ногу.

— Вызовите клининг. Он портит мне индекс удовольствия.

Мужчина завыл. Животный, долгий звук. Он свернулся в позу эмбриона, закрывая уши прокушенными ладонями. Его мозг, привыкший к тому, что радость поставляется по подписке, сейчас пожирал сам себя.

Лоэн стоял неподвижно. Он не чувствовал ни жалости, ни отвращения. Чтобы испытывать эти эмоции, нужно было позволить импланту работать, а Лоэн много лет назад заглушил свой чип пустотой. Но, глядя на корчащегося на тротуаре брокера, он понимал, почему Аурум никогда не восстанет.

Страх.

Не страх смерти. Смерть была абстракцией. А вот перспектива проснуться завтра утром и обнаружить, что вкус кофе вызывает рвоту, прикосновение шелка — ожог, а мысль о завтрашнем дне — лишь невыносимую, сухую панику, — этот страх держал восемь миллионов человек на коротком поводке. Аурум был не городом. Он был гигантским шприцем, из которого нельзя было вытащить иглу.

С тихим шелестом антигравитационных двигателей над толпой завис дрон Санитарной службы «Элизиума». Белоснежный, гладкий, похожий на парящее яйцо. Из дрона ударил узкий луч парализующего света. Мужчина дёрнулся и замер — хотя его широко открытые глаза продолжали кричать.

Мягкий синтетический голос произнёс:

— Гражданин, ваш индекс удовольствия аннулирован в связи с неплатёжеспособностью. Зафиксировано критическое нарушение общественного комфорта. Ваш статус понижен до «единицы». Добро пожаловать в Ферум.

Из днища дрона выскользнули манипуляторы, подхватили тело и подняли в воздух. Через минуту дрон скрылся за небоскрёбами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.